

— Слышал я от младшего брата Бая, будто ты в последнее время сам не свой: изводишь себя глупыми мыслями да глаз ночью сомкнуть не можешь, — раздался легкомысленный голос. — А погляжу на тебя сейчас — ничего, жить будешь.

Красноволосый юноша в богатых одеждах спрыгнул с подоконника. Движения его казались небрежными и даже дерзкими, но внешностью природа его явно не обделила — он был на редкость хорош собой, пусть даже в его облике и сквозило едва уловимое демоническое присутствие. Лукаво прищурившись, незваный гость принялся кружить вокруг Цинь Шо, поигрывая раскрытым веером из белого нефрита, и восхищенно прицокивать языком:

— Надо же! Всего пару дней не виделись, а ты уже так окреп. Не зря, значит, я выпрашивал для тебя у старейшин Пилюлю Нефритового Костного Мозга.

Цинь Шо мгновенно насторожился. Лицо незнакомца казалось смутно знакомым, но память наотрез отказывалась выдавать имя. Ощувив, что чужак обладает незаурядной демонической силой, Шо решил не искушать судьбу. Опираясь на костыль, он осторожно отступил на пару шагов, ухватился рукой за дверь и спросил:

— Мы знакомы?

Юноша тихо рассмеялся, словно услышал отличную шутку. Одним неуловимым движением он сложил веер, спрятал его в широкий рукав и изогнул бровь:

— Вот оно как... Ты и впрямь обо мне позабыл?

Подобные расспросы за последние дни Цинь Шо изрядно надоели. Он пристально оглядел роскошный наряд гостя. Чувство дежавю крепло с каждой секундой, однако ухватиться за ускользающую мысль не получалось. Ситуация казалась абсурдной: Безжалостную обитель защищали мощнейшие барьеры. Любая нечисть или враждебно настроенный заклинатель должны были испепелиться еще на подступах к горным вратам. Каким же образом этот юноша сумел проскользнуть мимо стражи и дозоров в самое сердце ордена, к Обители в Сердце Озера? Очевидно, он был далеко не прост.

«Но если он не лазутчик, откуда в его жилах эта явственная, будоражащая демоническая сила?»

Ответа на этот вопрос не находилось, пока взгляд Шо не упал на искусно вырезанную нефритовую подвеску на поясе незваного гостя. Пазл мгновенно сложился.

— Ты из клана Девятихвостых Лис? — приподняв голову, спросил он.

— Верно заметил, — лис вновь улыбнулся, и от этой улыбки его лицо озарилось пленительной, почти неземной красотой.

Если облик Сун Ваньчэня, признанного первого красавца пика Вечной Разлуки, ассоциировался с безупречным, но холодным сиянием луны, то этот гость напоминал буйное цветение персиковых деревьев в разгар весны — яркое, чувственное и манящее. Они олицетворяли два совершенно разных идеала, но оба врезались в память с первого взгляда. Более того, помимо редкой миловидности, юноша обладал тем самым врожденным очарованием Клана Девятихвостых Лис, противиться которому было почти невозможно. Взгляд помимо воли возвращался к его лицу.

Он шутливо поклонился, коснувшись сложенным веером ладони. В этом жесте сквозила напускная покорность, за которой скрывалось веселое лукавство:

— Маленький бессмертный из Цинцю по имени Лянь Чжао прибыл засвидетельствовать почтение практике Цинь Шо. Дозволишь ли войти, о благородный муж?

Цинь Шо на мгновение опешил от такого напора чужого обаяния. Испугавшись, что лис пытается околдовать его чарами соблазна, он незаметно до боли сжал кулак, впиваясь ногтями в ладонь. Это помогло вернуть ясность мыслей. Шо заставил себя отвести взор и как можно холоднее произнес:

— Избавь меня от пустой болтовни. Ты не принадлежишь к нашему ордену. Что тебе здесь нужно?

Лянь Чжао театрально вздохнул, напустив на себя обиженный вид:

— Ах, старший брат Цинь Шо, воистину у великих людей память коротка! Неужто ты совсем забыл своего скромного друга? А ведь я навещал тебя каждый божий день, пока ты лежал без чувств. Кто же знал, что все мои заботы окажутся напрасными...

Слова лиса заставили Цинь Шо вспомнить одну странность. В прошлые дни он лично запирал все ставни на ночь, но каждое утро обнаруживал окно слегка приоткрытым. А еще этот тихий шорох и странные звуки посреди ночи, которые он списывал на бродячих кошек... Выходит, дело было вовсе не в кошках.

Словно прочитав его мысли, Лянь Чжао бесшумно шагнул вперед, заглядывая Шо прямо в глаза. Его вкрадчивый голос звучал сладко, точно пение сирен:

— Если по-настоящему чего-то желаешь, разве могут земные преграды тебя остановить?

Высокий хвост ярко-рыжих волос, перехваченный красно-золотой лентой, скользнул по плечу гостя. Воздух вокруг наполнился тонким, дурманящим ароматом благовоний. Глядя в эти бездонные бирюзовые глаза, Цинь Шо почувствовал, как сознание вновь затуманивается. Земля ушла из-под ног, а в ушах вдруг отчетливо раздался хрустальный перезвон колокольчиков.

Дзинь...

* «На самом деле те, кому ты доверяешь, меньше всего заслуживают твоей веры».*

Дзинь...

* «Эти люди заботятся лишь о том, как бы поскорее отправить тебя на убой».*

Дзинь...

* «Позволь мне забрать тебя отсюда, Цинь Шо».*

Когда затих последний отголосок звона, Лянь Чжао придвинулся почти вплотную. Его вкрадчивый шепот продолжал литься прямо в душу:

— В Безжалостной обители все давно сошли с ума. Те, кого ты считаешь названными братьями, тебе не друзья. Это сборище безумцев, возомнивших, что им под силу переписать саму судьбу...

Но стоило ему протянуть руку, чтобы коснуться талии Шо, как воздух между ними с тихим треском содрогнулся. Ляня Чжао отбросило назад мощным невидимым импульсом.

Дурманящее марево, окутавшее комнату, мгновенно рассеялось. Лянь Чжао переменился в лице. Страхивая оцепенение, он взглянул на свои покрасневшие, обожженные кончики пальцев, и его взгляд опасно потемнел:

— Это его рук дело...

Наваждение схлынуло, и к Цинь Шо вернулась ясность ума. Он смутно помнил, что только что происходило, и уже собирался потребовать объяснений, как вдруг за дверью раздался шаг.

— Старший брат Цинь, — послышался из коридора голос слуги, Сяо Дина. — Вы допили лекарство? Я зайду забрать пиалу.

— Еще нет, подожди... — начал было Шо, но осекся. По комнате пронесся резкий порыв ветра, а следом раздался тихий стук чего-то упавшего на пол.

Обернувшись, Цинь Шо обнаружил, что лис бесследно исчез. Лишь в оконном проеме на долю секунды мелькнул пушистый огненно-рыжий хвост — такой же вызывающе яркий, как и его хозяин.

В воздухе медленно кружили несколько рыжих ворсинок. Проследив за их падением, Цинь Шо

заметил на полу золочёный веер из белого нефрита.

Опираясь на костыль, Шо с трудом опустился на одно колено и поднял веер. Стоило его пальцам коснуться прохладного камня, как в голове зазвучал чужой голос — это было послание, оставленное духовной волей лиса. В его интонациях сквозила явная усмешка:

* «Скромный подарок в знак нашей дружбы».*

В самый последний миг шепот едва слышно добавил: * «До скорой встречи»*, заставив сердце Цинь Шо на мгновение пропустить удар. Впрочем, вспомнив строгое предупреждение Сун Ваньчэня — держаться от лисьего племени как можно дальше, — он поспешил спрятать веер в самый дальний угол старого шкафа. Лишь после этого Шо разрешил слуге войти. Сяо Дин унес нетронутое лекарство, а юноша вернулся в постель, надеясь уснуть.

Дни в Безжалостной обители тянулись невыносимо долго. Обитель в Сердце Озера находилась совсем близко к жилым корпусам младших учеников — например, младшего брата Фэна, — но их разделял мощный защитный барьер, воздвигнутый Шицзунем. Беспрепятственно проходить сквозь него и навещать больного могли лишь те, кто уже достиг стадии Золотого Ядра, да и то не более чем на пару часов. Младшим же адептам приходилось довольствоваться бумажными письмами.

Сразу после его пробуждения в покоях царило нездоровое оживление. Вереницы незнакомых людей сменяли друг друга, каждый заискивающе улыбался и из кожи вон лез, стараясь выслужиться. Создавалось стойкое ощущение, будто завоевать расположение раненого сулило им невероятную выгоду. Но в последнее время визиты сошли на нет. Вероятно, все были слишком заняты подготовкой к Великому собранию бессмертных, и в уединенном домике наконец воцарилась долгожданная тишина.

В преддверии этого грандиозного события другие ордены не жалели сил: ради победы своих воспитанников они открывали запечатанные духовные источники, раздавали редчайшие артефакты и ценные снадобья. Последние полмесяца все только и делали, что копили силы. И лишь Безжалостная обитель оставалась странным исключением. Почти все внимание старейшины уделяли ему — калеке, лишившемуся памяти. До сих пор не был утвержден даже список участников состязания. Подобное покровительство выглядело чересчур вызывающе.

Возможно, именно из-за этого взгляды редких гостей порой казались столь двусмысленными. Цинь Шо чувствовал неладное, но никак не мог нащупать суть проблемы. Открыто своего недовольства никто не выражал, ведя себя безупречно вежливо, так что придаться было не к чему.

Пока палата ломилась от визитеров, в их поведении еще можно было уловить фальшь. Но стоило Шо поделиться сомнениями с младшим братом Баем, как все резко изменилось. Гости больше не переступали порог его комнаты, и даже поток писем, скрашивавших одиночество, иссяк. Последние ниточки, способные пролить свет на тайны ордена, оборвались.

Впрочем, раны Шо затягивались с поразительной быстротой. Даже старейшина Сюнь, повидавший на своем веку немало тяжелых увечий, удивленно качал головой, прощупывая его пульс. Старик утверждал, что при таком уходе юноша встанет на ноги уже через три-четыре дня, а если повезет — успеет восстановить силы к началу Великого собрания бессмертных.

Самого Цинь Шо это мало заботило. Его гораздо сильнее угнетало тоскливое заточение в четырех стенах. Жизнь в Обители в Сердце Озера превратилась в бесконечную череду горьких отваров и сна, от чего он едва не лез на стену от скуки.

Так продолжалось до тех пор, пока тишину очередной ночи не нарушило знакомое тихое мяуканье.

Лунный свет серебрил угол кровати, а легкий сквозняк едва заметно шевелил лепестки цветов в вазе. Тени на полу качнулись, и из полумрака соткался изящный силуэт лиса. Огромный пушистый хвост за его спиной разделился на девять отдельных ветвей, плавно покачивающихся с той безупречной грацией, какую запечатлевают лишь на старинных шелках.

В тишине раздался знакомый вкрадчивый голос:

— Ночь на дворе, а ты все не спишь. Неужто ждал меня, Цинь Шо?

Шо вздрогнул и хотел было позвать на помощь, но гость оказался быстрее. Порыв ветра, напоенный сладким ароматом, мгновенно настиг его, и крепкие пальцы прижали его запястья к матрасу, лишая возможности двигаться. В полумраке тускло блеснули прищуренные лисьи глаза. Голос Ляня Чжао зазвучал тише, в нем слышались опасные, почти угрожающие нотки:

— Всего несколько дней не виделись, а ты уже от рук отбился. Что, этот бесчувственный чурбан успел забить твою голову своими бреднями?

Чужая сила давила тяжелым грузом, не позволяя вздохнуть всей грудью, а о том, чтобы сплести хотя бы простейшее заклинание, нечего было и думать. Поняв, что сопротивление бесполезно, Цинь Шо прекратил попытки вырваться. Он заставил себя успокоиться и ответил как можно ровнее:

— Я понятия не имею, о ком ты говоришь.

Лянь Чжао презрительно фыркнул:

— Да неужели? Ты мог позабыть весь белый свет, но только не его. До того как лишиться памяти, ты пылинки готов был сдувать со своего ненаглядного Сун Ваньчэня. И чтобы добиться его благосклонности, ты в свое время погубил немало невинных душ...

Эти слова задели Цинь Шо за живое. Похоже, этот лис по имени Лянь Чжао действительно прекрасно знал его прежнего. Забыв о строгом запрете Сун Ваньчэня, Шо поспешно спросил:

— Тебе известно, кем я был раньше?

— Все зависит лишь от того, насколько сильно ты хочешь это выяснить, — прошептал лис.

Лянь Чжао соблазнительно улыбнулся и медленно склонился к лицу Шо. Расстояние между ними сократилось настолько, что они чувствовали дыхание друг друга. От обжигающего взгляда бирюзовых глаз воздух вокруг словно стал горячее.

— Стоит тебе лишь попросить, — едва слышно выдохнул он в самые губы Шо, — и я расскажу тебе все. До единого слова...

<http://bllate.org/book/20094/1998475>